

Соловьев Владимир Сергеевич

**Письма Владимира Сергеевича
Соловьева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Соловьев Владимир Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 246 с.

ISBN 978-5-519-74685-4

ISBN 978-5-519-74685-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

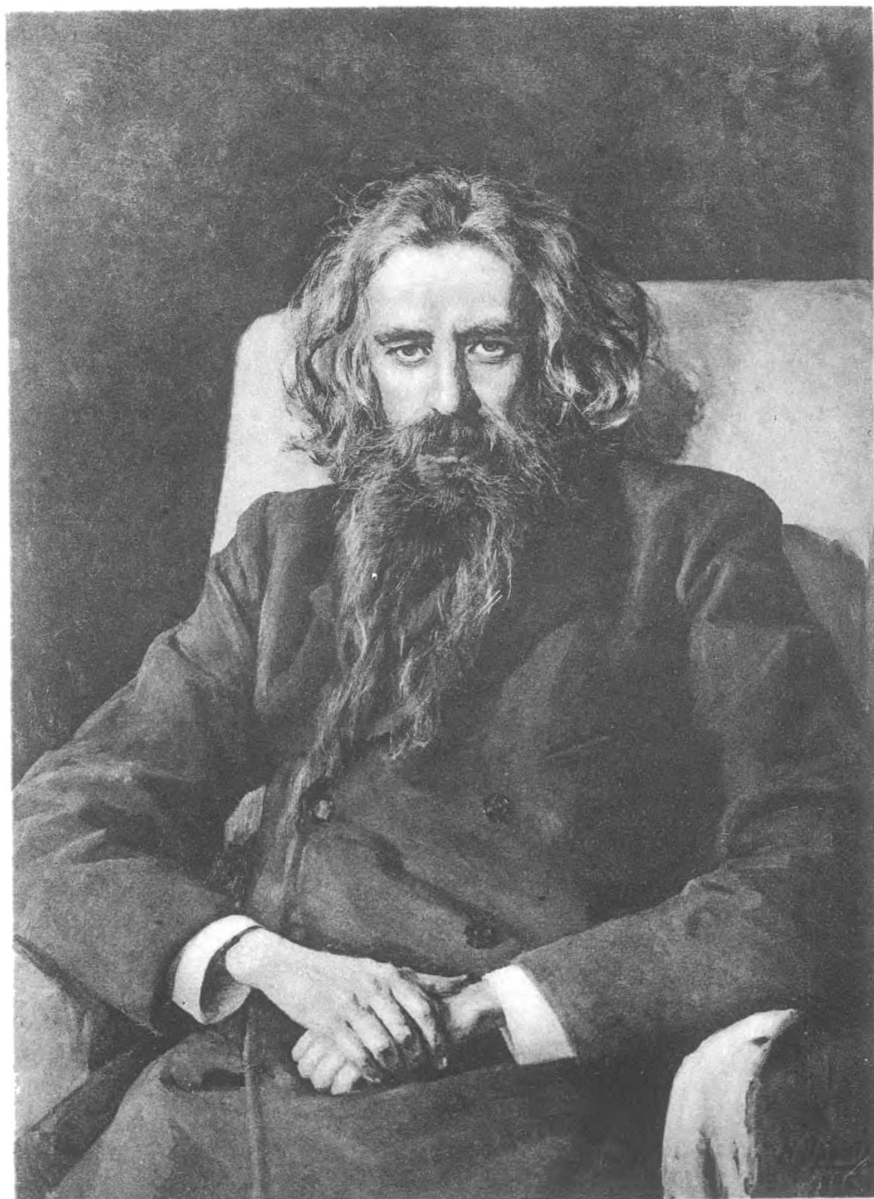
Из новых писем некоторые имеют весьма существенное значение для выяснения как личности философа, так и его миросозерцания. Особенно значительна переписка с Е. Тавернье и в ней письмо под № 13. Интерес представляют также письма к Т. И. Филиппову. По желанию издательства французский текст снабжен русским переводом.

Долг дружбы по отношению к покойному я выполнил. Само собой разумеется, что мне не удастся более получить писем, хранящихся у разных лиц, например, у наследников братьев Сергея и Евгения князей Трубецких. Я желал бы только еще увидеть в печати приготовленный мною том статей Соловьева, не вошедших в собрание сочинений или вовсе не появлявшихся в печати.

Что касается текста и орфографии писем, то я придерживался строго доставленных мне оригиналов или копий. В некоторых случаях это было довольно трудно; например, в письмах к Мартиновой не легко было восстановить текст — копии были несовершенны, и я не уверен, что мне это всюду удалось.

Э. Радлов

23 апреля 1923 г.
Петроград

W. H. Channing

ЛВУ ПАВЛОВИЧУ НИКИФОРОВУ *).

(Без даты).

1.

Многоуважаемый Лев Павлович!

Благодарю Вас за Ваше доброе, хотя и преисполненное недоразумений, письмо. Надеюсь, что главное из этих недоразумений скоро будет разъяснено печатью, а потому спрошу Вас только: где вы видели тех либералов, о которых пишете,—я таких не встречал, и мне сдается, что это у Вас мечты воображения. А вот Вам действительный представитель того либерализма, с которым я имею дело, Михаил Матвеевич Стасюлевич. Помимо его литературных заслуг, я знаю его безусловно бескорыстную (он ни копейки не получает, а кой-что от себя прикладывает, кроме труда и времени) деятельность на пользу простонародия в Петербурге. Благодаря ему там за последние годы открыто несколько сот новых начальных училищ; также благодаря ему устроен городской фильтр, вследствие чего смертность от заразных болезней (главным образом в низшем классе населения, ибо высший воды не пьет) сократилась вдвое. Я не знаю в России человека, который заслуживал бы большего уважения, чем этот «либерал». Вообще эти ярлыки ничему действительному, по крайней мере в России, не соответствуют. Если даже принять ваш, весьма недостаточный критерий, то вот вам «либерал» Стасюлевич, который уже более тридцати лет как ничего не берет с народа и очень много дает ему, а с другой стороны народник К. и иные ему подобные преспокойно состоят на казенной службе и получают жалованье, а дают ли они что-нибудь народу—неизвестно.

Кстати: я должен вас разочаровать относительно себя. Вы не совсем верно меня поняли: я говорил, что уже 12 лет как не получаю никакого жалованья, ибо не состою ни на

*) «Вестник Европы» 1913, ноябрь.

какой службе, но когда в юности я был доцентом университета, а потом членом ученого Комитета, я получал свою тысячу рублей в год и не чувствовал при этом никаких угрызений совести. Это происходило, может быть, от моей безнравственности, а может быть от моего знакомства с росписью государственных доходов и расходов, из рассмотрения коей явствовало, что не только мои 1000 руб., но все те два или три миллиона, которые идут на поддержание учености в России, никакой важности не представляют, а с другой стороны совсем без всякой учености даже турки и китайцы обходиться не могут. О французских своих книгах не могу вам ничего сообщить. Их судьба меня мало интересует. Хотя в них нет ничего противного объективной истине, но то субъективное настроение, те чувства и чаяния, с которыми я их писал, мною уже пережиты.

Завтра еду в Петербург недели на две, на три; если в конце апреля или начале мая случится вам быть в Москве, наведывайтесь, пожалуйста,—очень рад был бы с вами еще увидеться.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

2.

Дорогой Лев Павлович!

Книгу Дреммонда «Ascent of man» я кончаю только этой ночью. Думаю, что она заслуживает перевода, но тоже с сокращением. Для начала попрешнему считаю удобнее Natural Law, как более принципиальную. От предисловия не отказываюсь, но сию минуту написать его как следует не могу; да и для редакции «Русской Беседы» мое появление осенью удобнее, чем летом, хотя вообще их расчет на пользу моего участия в журнале не делает чести их практическому смыслу.

Если вы имеете какие-нибудь особые причины торопиться с этим делом, то напишите мне их в Петербург—Галерная, 20, ред. «Вестн. Евр.». Я уезжаю из Финляндии завтра и вернусь в конце мая.

Получил письмо большое от Арк. из Киева. Рад был факту письма, но содержание кисло-сладкое и отчасти нелепос. Он, между прочим, видит пример нравственного совершенства в Аврааме, намеревающемся заколоть своего

сына,—а разум и совесть уподобляет тому «ослу, которого надо оставить внизу горы Божией». Печальная была бы участь Господа Бога, если бы к нему могли восходить только существа без разума и совести. Буду отвечать А. в скором времени. Еще получил я письмо без подписи из Лукоянова (откуда и вы последний раз писали) по поводу моего «Принципа наказания». Письмо очень большое, почерк как будто ваш и образ мыслей также, но превратное понимание моей точки зрения такое, какого и от вас не ожидал бы. Выведите меня из недоразумения. А то я думал было ответить печатно при случае.

Будьте здоровы.

Искренно вас любящий *Влад. Соловьев.*

3.

Не посетуйте, дорогой Лев Павлович, за столь поздний ответ; мне так много приходится писать для печати, что на частную переписку остается совсем мало времени. Еще до получения вашего последнего письма я должен был оставить всякое сомнение в вашей неприкосновенности к Лукояновским письмам: те же авторы прислали мне еще письмо, более откровенное и уже явно не могущее иметь ничего общего с вами. Бер. И. еще в апреле решительно отказалась от всякого содействия как по вашему ходатайству, так и по всем другим подобным, с которыми я обращался; я думал, что вы об этом догадаетесь по моему молчанию. То, что вы пишете по поводу «Принц. наказ.», основано на недоразумении. По моей идее принцип наказания есть *«человеколюбие»* как к потерпевшему, так и к преступнику, а вы говорите, что я возвожу в принцип *насилие*. Насилие я допускаю, как необходимое в известных случаях средство для исполнения обязанности человеколюбия, совершенно так, как в примере Льва Ник. с бросанием детей из окошка при пожаре. Я уже воспользовался этим примером в статье о войне, которая скоро появится, и буду еще им пользоваться как очень удачной иллюстрацией *моей мысли*.

Очень бы желал быть предуведомленным, когда вы будете в Москве или в Петербурге, чтобы устроить свидание, а писать много имеет многие неудобства.

Храни вас Бог...

Любящий вас *В. Соловьев.*

Многоуважаемый Лев Павлович!

Относительно перепечатки статьи моей об Огюсте Конте из Энциклопедического Словаря Брокгауза-Ефрона извещаю вас, что согласен на эту перепечатку при следующих трех условиях:

1) мне будут доставлены прежде напечатания две корректуры—одна в гранках и другая сверстанная, и статья будет напечатана согласно моим поправкам;

2) так как издание не имеет благотворительной цели, то при выходе книги мне будет уплачено за право печатания моей статьи сто пятьдесят рублей;

3) я обязуюсь в течение пяти лет по выходе книги нигде не перепечатывать своей статьи и никому не передавать ее с этой целью; по истечении же пяти лет возвращаю себе право распоряжения означенною статьей.

С истинным уважением *Влад. Соловьев.*

24-го февраля 1896 года.

АННЕ НИКОЛАЕВНЕ ШМИДТ *).

1.

Многоуважаемая Анна Николаевна!

Прочитав с величайшим вниманием Ваше письмо, я рад был видеть, как близко подошли Вы к истине по вопросу величайшей важности, заложенному в самой сущности христианства, но еще не поставленному отчетливо ни в церковном, ни в общефилософском сознании, хотя отдельные теософы и говорят об этой стороне христианства (особенно Яков Беме и его последователи: Гихтель, Нордэдж, Сен-Мартен, Баадер). Мне приходилось много раз с 1877 года касаться этого предмета в публичных чтениях, статьях и книгах, соблюдая должную осторожность. Думаю на основании многих данных, что широкое раскрытие этой истины в сознании и жизни христианства и всего человечества предстоит в ближайшем будущем, а Ваше появление кажется мне очень важным и знаменательным.

*) Извлечены из книги: «Из рукописей Анны Николаевны Шмидт», Москва, 1916 г.

Некоторые частности в Вашем письме для меня неясны, и прежде окончательного заключения я желал бы познаться: 1) с Вашей подготовительной статьей; 2) с Вашим автобиографическим сочинением и 3) главным образом, с Вами самими. Все это легко исполнимо, но только не сейчас, так как я на отъезде за границу, откуда вернусь в половине лета вероятно, а в конце лета или начале осени могу побывать в Нижнем Новгороде, если Вы его не покидаете. По возвращении из заграницы я хотел бы с Вами списаться. Мне Вы тогда можете писать или в эту гостиницу, или, еще лучше, так: Петербург, Галерная, 20, Редакция «Вестника Европы», Влад. Серг. Соловьеву (все письма и посылки непременно заказными).

Но уже и теперь я могу разъяснить одно недоразумение в Вашем письме, именно насчет Вселенского Собора. В настоящее время вопрос о его созвании никак не может иметь практического значения, по той причине, что созывать некому: папская власть признается одними католиками, а имперская разделена между четырьмя независимыми государствами: Россией, Германией, Австрией и Британией. Да и помимо этого, назначение вселенских соборов лишь в том, чтобы окончательно формулировать и провозглашать уже выясненные религиозные истины, а та истина, которая нас с Вами занимает, еще требует больших объяснений.

Позвольте еще раз выразить мою радость по случаю Вашего письма и пожелать дальнейшего доброго общения между нами.

Душевно преданный *Влад. Соловьев.*

8-го марта 1900 г.

2.

Многоуважаемая Анна Николаевна!

Получив посланные Вами бумаги, буду, не вскрывая конвертов, хранить их до Вашего востребования. Вот все, что пока могу обещать Вам по этому предмету. Что касается до Вашего сообщения мне о происшествии, случившемся с Вами 4 января 1885 года, то, благодаря Вас за доверие и признавая очевидную искренность и правдивость Вашего рассказа, я должен пока воздержаться от окончательного суждения о самом факте; обращаю только Ваше

внимание на переданную Вами самими подробность, именно: что явление предполагаемого лица не произвело в Вас непосредственно никакого движения душевных чувств, так что впечатление было, так сказать, головное, а не сердечное. Это очень важный признак, давно замеченный церковными специалистами по этой части.

Разыскивать лицо, соответствующее инициалам *И. Р.*, я не вижу человеческой возможности, а получить об этом прямые сообщения свыше не считаю себя достойным. Могу служить Вам тут лишь своей догадкой. *И. Р.* — *Иуда Раскаившийся*? Но в адресном столе он, конечно, записан под другой фамилией, и, значит, если бы даже моя догадка была достоверна, то она осталась бы все равно бесполезной.

Вашу заметку по поводу лекции об антихристе я прочел издателю «Недели», и она, вероятно, будет напечатана, с некоторыми редакционными изменениями, если Вы ничего не имеете против.

Будущего своего адреса я не знаю в точности, но с апреля месяца Вы можете писать...

Бог даст, встретимся, когда будет нужно.

Душевно преданный Вам *Влад. Соловьев*.

(Конец марта или 1 апреля).

3.

Дорогая Анна Николаевна!

Мне было приятно прочесть Ваши полемические заметки, но, разумеется, печатать ничего подобного не нужно. Раз'ясняю евангельское выражение насчет «бисера». *И. Б.* и *М.* — поросята: первый поросенок циничный и нахальный, а второй — поросенок лицемерно-добродушный и плаксивый. Ваше серьезное к ним отношение показалось мне трогательным.

Больной приятель, к которому я должен был ехать на остров Корсику, быстро скончался, и я пока не еду за границу. Собираюсь на несколько дней в Москву и вообще ничего определенного не знаю и не загадываю понапрасну.

Посылаю Вам книжку «Духовные основы», а недели через две надеюсь послать новое издание своих стихотво-

рений, а также «Три разговора» отдельной книжкой с поправками и дополнениями.

Будьте здоровы.

Душевно преданный Вам *Влад. Соловьев*.

(Начало апреля).

4.

Воскресенье, 22 апреля, Петербург.

Дорогая Анна Николаевна!

Не уявися, что будем. А пока мы верно чувствуем великое, но нестерпимо фантазируем и путаемся в пустяках. Три характерные пустяка: 1) Вы продолжаете смешивать меня с моим старшим братом, Всеволодом Соловьевым, имевшим какие-то темные дела с г-жею Блавацкою и написавшим об этом какую-то серую книгу, чему я ни душою, ни телом не причастен. Г-жу Блавацкую я никогда в жизни не видел и ни ее личностью, ни ее «чудесами» или «фокусами» никогда не занимался, а только (и весьма умеренно) теософическим движением с принципиальной стороны, о чем напечатал две заметки, не касающиеся личности и «практики» этой покойницы; 2) зная, как Вы цените мои стихи, я хотел оказать Вам любезность, приславши до выхода книжки те стихотворения, которые Вам были неизвестны. «Разрывать» книжку, как Вы говорите, я не имел ни возможности, так как она не была еще в моих руках, ни надобности, так как я решил непременно Вам ее доставить в целом виде, как только она выйдет; 3) заметив в одном Вашем письме лучшую редакцию одного моего стихотворения, я с удовольствием этим воспользовался. И из этого простейшего факта Вы выводите какие-то сложные заключения.

Довольно о пустяках.

Исповедь Ваша возбуждает величайшую жалость и скорбно ходатайствует о Вас перед Всевышним. Хорошо, что Вы раз это написали, но прошу Вас больше к этому предмету не возвращаться. Уезжая сегодня в Москву, я сожгу фактическую исповедь в обоих изложениях, не только ради предосторожности, но и в знак того, что все это только пепел. А о том, что под пеплом, я Вам расскажу сон одной давно умершей старушки. Она видела,

что ей подадут письмо от меня, написанное обыкновенным моим почерком, который она называла *pattes d'araignées*. Прочтя его с интересом, она заметила, что внутри завернуто еще другое письмо на великолепной бумаге. Раскрыв его, она увидела слова, написанные прекрасным почерком и золотыми чернилами, и в эту минуту услышала мой голос: «вот мое настоящее письмо, но подожди читать», и тут же увидела, что я вхожу, сгибаясь под тяжестью огромного мешка с медными деньгами. Я вынул из него и бросил на пол несколько монет одну за другой, говоря: когда выйдет вся медь, тогда и до золотых слов доберешься. Советую Вам, Анна Николаевна, этот сон применить и к себе.

Я еду в Москву на похороны. В Нижний теперь приехать не могу, но во Владимир-на Клязьме — возможно, на несколько часов. Если Вы способны разговаривать, и если Вам не трудно приехать в Владимир, то напишите короткое письмо в Москву и скажите, какой из трех дней: пятница, суббота, воскресенье для Вас удобнее, но ни в каком случае не выезжайте из Нижнего до моей телеграммы из Москвы. Потому что ничего еще не решено, и по-моему лучше, может быть, отложить свидание до конца лета.

Пожалуйста, ни с кем обо мне не разговаривайте, а лучше все свободные минуты молитесь Богу.

Душевно Ваш *Влад. Соловьев*.

5.

Телеграмма.

(Из Москвы, 29 апреля 1900 года).

Нижний. Редакция «Нижегородского Листка». Анне Николаевне Шмидт. Если есть опасения здоровья, не выезжайте. Мне все равно нужно (быть во) Владимире по другому делу.

Соловьев.

6.

Дорогая Анна Николаевна!

Вот два слова в успокоение. Я жив, по-прежнему сохраняю к Вам неизменные чувства интереса и симпатии,